

Статистика войны — она беспощадна, как сама война.

Три года назад в Нижнем Новгороде жили два (!) Героя Советского Союза из числа участников Великой Отечественной войны. 8 февраля 2017 года эта цифра уменьшилась вдвое — умер Дмитрий Аврамович Аристархов.

...Есть такое понятие (опять таки в военном лексиконе) — «невосполнимые потери». Это — про Аристархова. Его уход многое изменил, причем изменил навсегда: мы встречаемся на его могиле, садимся за столы поминальных обедов, говорим там слова памяти и любви к этому человеку, но мы — уже не такие, какими были с ним. Мы стали слабее без дяди Димы. Такое обращение к Герою Советского Союза не было фамильярностью — Дмитрий Аврамович с удовольствием принимал его от своих воспитанников, быть которым остается для нас высокой честью.

Этот дружеский разговор — я попытался передать читателю все его детали и интонации — состоялся в апреле 2016 года. Аристархов лежал в «третьей» больнице и мы сговорились повидаться, благо, что оба этого очень хотели.

Дядя Дима не встал, однако, при моем появлении («очень болят колени, Сережа!»), остался сидеть на кровати. В просторной двухместной палате с большими окнами, плазменным телевизором, широким диваном и холодильником тепло и уютно — Героя Советского Союза, Почетного гражданина города Нижнего Новгорода и Нижегородской области медики принимали достойно.

На прикроватной тумбочке ничего лишнего: ручные часы с портретом маршала Жукова, рючичный ножичек и бутылка минеральной воды. Дядя Дима строг в части диеты — подчеркнул, что не ест сладкого, мучного, мясо предпочитает только «белое», куриное, алкоголь не употребляет («лет десять, как минимум, Сережа»). Одет Аристархов в синюю полосатую футболочку, спортивного типа брюки, чисто выбрит. В качестве разминки поддел меня — напевный, чуток ироничный украинский голос

звучал бодро: «Сережа, ты опять с этим портфелем?». Пришлось из трудовой журналистской сумки все выложить — диктофон, фотоаппарат, иконку Николая Угодника, «искосинку» — белую косыночку в память о моей матери, всякие там зарядки, наушники и прочее. Все показал Дяде Диме — тот ободрил: «Теперь понял! Это важно!».

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ НАША БРОНЯ!

— **Хочется поговорить по душам, дядя Дима! Как чувствуешь себя? Как настроение? Ребята звонят — Гена Суворов, Слава Бородачев?**

— А как же! Звонят, я сам тоже звоню. Хорошие ребята, комсомольцы.

— **Давай мы с тобой сделаем интервью — молодежи интересно узнать что-то новое, интересное о героях войны, о том, как это все было...**

— Давай попробуем, но я сейчас устаю быстро, годы-то, Сережа, уже не те!

— **А мы не торопясь, в два захода, устанешь — скажешь?**

— Ну, давай потихоньку.

— **Скажи, дядя Дима — у тебя такое же было противотанковое ружье, как в фильме «Они сражались за Родину»? Помнишь, Шукшин с Бурковым его несут?**

— Кино, оно, Сережа, кино и есть. А на войне я воевал сначала дягтеревским ПТР, потом симоновским. Дягтеревское ружье — однозарядное, у него очень сильная отдача — на плече, там, где приклад, у меня синяк был всегда, и кость даже болела. Я к плечу пилотку прикладывал или даже шапку — невозможно было без этого. Чем отличалось симоновское ПТР? Во-первых, отдачи не было никакой, раз, дульный тормоз был другой, ружье уже пятизарядное — намного лучше, никакого сравнения. И у него начальная скорость полета пули была больше, вообще, пуля с ПТР имела самую высокую начальную скорость из всех видов оружия того времени. Калибр 12,5 мм. Стреляли бронебойными, зажигательными — первыми чаще. Расчет два человека, вес ружья 16 килограммов. Носили вдвоем, один держал на плече ту часть, которая ближе к дулу, другой — ту, что ближе к прикладу. Солдаты по очереди носили, а в строю носили по одному, на плече... Знаешь что — ты не спрашивай, Сережа, а лучше послушай, что я тебе расскажу, мне так легче.

— **Конечно, мне все интересно!**

— На Курской дуге нас выдвигали только ночью — днем за нами авиация зверски охотилась. Так вот, нас выдвинули, полная темень и мы не понимаем, куда попали — оказывается это немецкая база по ремонту танков: тут и наши танки стоят подбитые, и немецкие, а сами немцы, понятное дело, убежали, все бросили. Командир роты у меня был, Саша Анисимов, еще тот товарищ — контрабандист, как я его звал, кудрявый такой, симпатичный — до войны по поездкам подворовывал, что ты! Сам мне рассказывал — мы с ним в хороших отношениях были — как шарил по товарным вагонам, ценные вещи искал, жулик тот еще. Так вот утром мы проснулись, а кругом одни танки. Анисимову опять «вожжа под хвост»: «давайте — говорит — попробуем, чья броня лучше — советская или фашистская?» Я — против, мол, тут расстояние метров 50, стрелять опасно, может отрикошетить, — а в то время, Сережа, за каждого солдата «во!» *(руками показывает удушающий захват на горле — Р.С.)*. Но комроты свое гнет: «Приказываю стрелять!» У меня был ординарец Смирнов, баптист — такой парень (у дяди Димы слово «такой» означало как минимум «необычный» — Р.С.), он ни с кем, кроме меня, не разговаривал, больше молчал. Ну вот, поставили ружье, выстрел! Немецкому танку борт сразу пробило. Стреляем по нашему — Смирнов кричит «а-а-а-а!» и за ногу хватается — рикошет, снаряд попадает в него! Всю мякоть на ноге вырвало! Говорю Анисимову — «Саш, что бу-

дем делать?». Тот подрастерялся, но принял решение не докладывать «наверх» — санинструктор ногу Смирнову перебинтовал и все. Хорошо, что к тому времени бои уже закончились — это было под конец Курской битвы — пошли перереформирования и все прошло тихоночко. ...Вот что значит наша броня, Сережа! А американские танки, английский, «Валентин» этот... наши танкисты боялись садиться на них. Американский горел как свеча. Правда и у нас самоходная артиллерийская установка, с 76-мм пушкой на бензине, тоже после попадания горела сильно.

— **Ты вел подсчет подбитых танков?**

— Я лично на Курской дуге один подбил и под Варшавой четыре: три танка и одну самоходку.

— **Как определить — куда бить?**

— У нас были книжечки такие специальные, которые показывали самые уязвимые места в танке. Наши инженеры все испытывали и нам эти результаты давали. В лоб опасно бить — лучше в гусеницу, а чуть он бортом повернулся — надо стрелять.

— **Сколько у тебя было за войну «вторых номеров» в расчете ПТР?**

— За войну их погибло два человека. А сколько прошло? Много! Солдат забирали в другую часть, в пехоту переводили. ПТР всегда ставили впереди пехоты. Или с ними рядом, на самых опасных местах.

— **Ты лично убивал людей, прости за вопрос?**

— Ну, а как же, Сережа! Когда он на тебя бежит и стреляет!

— **И ты стрелял?**

— Конечно!

— **Из чего стрелял?**

— Из автомата! Автомат и пистолет были у меня. Лопата немецкая была еще, легкая, удобная. Я как только где — раз и окопался. Она и опорой у меня была — я на нее опирался, когда шел. А каска была... как подушка. Ты смеешься? А там же есть такая штука, она то опускается, то подымается. Вот на привале, лежим, я голову в каску, эту штуку опускаю — милое дело!

— **Ты и рукопашную прошел?**

— ...ладно, Сережа.

— **Это страшные вещи, я понимаю...**

— Два раза ходил в рукопашную, в Новороссийске. Там стоит вагончик железнодорожный, все его знают — так вот возле него мы и держали оборону. Он как раз на выходе, где дорога на Туапсе — немцы старались вырваться на Туапсе и окружить нашу группировку. Бросали листовки «Рус, будь-будь!» — мол, в море утопим. Когда меня пригласили на 40-летие освобождения Новороссийска, я увидел, на этом вагончике табличку, что 3 тысячи с чем-то пробоин и вмятин на нем. От него остался только остов, больше ничего. Дочь Оксана с мужем и внучкой Анечкой ездили специально смотреть на этот вагончик...

— **И чем ты бил в рукопашной?**

— Больше штыком — винтовка была хорошая, СВТ (7,62-мм самозарядная винтовка системы Токарева — Р.С.), десятизарядная, на параде ее недавно показывали, а пистолет «ТТ», красавец! Некоторым нравился немецкий парабеллум, но наш был лучше, он и в дождь, и в грязь работал безотказно.

— **И ты видел, прямо, как немец в тебя целится?**

— Как же не целится, Сережа, если я пять раз был ранен. Но ведь там и не поймешь, там же масса людей, летят эти пули, свистят, неизвестно откуда... Что самое тяжелое — это выскочить из окопа. Вот когда знаешь, что завтра атака, что наступать будем, люди чаще всего не спят, они шепчутся, показывают друг другу фотографии, рассказывают как жизнь прошла, и все мысли — а как завтра? И вот ты знаешь, на себе чувствовал, что когда дается команда «вперед!», то кажется, что земля притягивает тебя, не дает подняться вверх. А как только выскочил на

бруствер, Сережа, то тут только вперед! Свистит, гремит — только вперед! Смотришь рядом с тобой кто-то бежал — и уже нету. Перед такими наступлениями проводят артиллерийскую подготовку — «катюши», орудия, танки, все бьют. Однажды, правда, нам дали в пополнение молдаван. Артиллерия «заиграла», катюши, «ура» кричим и бежим в атаку. Прибежали к переднему краю, смотрим — а их, молдаван, нет — ни один не поднялся. Страшное дело, Сережа, эта война. Мне кажется, что эта война по участию людей, техники, по жестокости и бесчеловечности была самая страшная, самая тяжелая война в истории человечества.

— **Были у тебя встречи с немцами — не в бою, не на войне?**

— Нет. Я никогда с ними не встречался и не хочу встречаться (*Дядя Дима категоричен — Р.С.*). Как вспомню, сколько горя и беды они принесли нашему народу — мне еще брат рассказывал, как людей безвинных расстреливали — зачем они мне нужны? Да ну их нахрен!

— **Ты помнишь роман Юрия Бондарева «Берег» — он, кстати, тоже из 23 дивизии знаменитой вашей? Как советский офицер влюбился в немку?**

— Это было... Когда я на квартире жил у немца, в ноябре 1945-го, то они нормально относились ко мне. Хозяйка даже иногда критиковала, чтобы я сильно печку не топил — у них печка была кафелем обложена, так что, когда я сильно топил, он трескался. «Нихт гут!» — говорит, — если будете топить сильно, коменданту заявлю!» Мне, как Герою Советского Союза давали ликер, материал на брюки... А у немца-хозяина, где я жил, была своя пекарня. Но они скупые — картошку никогда не чистили, например. Помоют и варят. Приглашали меня иногда чай выпить. Однажды, когда я получил ликер, думаю, дай, угощу немцев. Хозяин после каждой рюмки бормочет «Гут! Гут!» — нравится, значит. Ну, я и подливаю. И так его развезло, что никто не ожидал. В это время чаны с тестом подошли, опара через верх пошла, работница прибежала за ним — а он не в зуб ногой. Так хозяйка меня так ругала утром: «Гауптман! Никс гут!»

— **Прошел всю войну, прости за вопрос, а как с «женской проблемой» обходились? Были какие-то отношения?**

— Я и мои солдаты — никогда!

— **Всю войну?**

— Так точно. Это те, кто в тылу, могли себе позволить. А мы же все время в поле, в лесу — между прочим, войска старались не вводить в деревни и города. Чтобы не было лишних проблем с населением. Вот в Белоруссии — мы были все время в лесах. А на Украине в оврагах. Редко когда на станции бывали, если только поездом перевозили. Когда меня пригласили на 60-летие освобождения Белоруссии вместе с генералом Кирилюком (*Юрий Емельянович Кирилюк — участник войны с Японией, генерал-майор в отставке, председатель Нижегородского областного совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов — Р.С.*), то мы пошли в музей. Там сильнейший музей, а в Горьком нет музея настоящего, город наш для страны и Победы столько сделал — позор! И вот я в Белоруссии вхожу в музей и вижу там свой портрет. Ты знаешь, как сердце забилось! Я не ожидал! Там ведь немало частей и соединений воевало, так, значит, и наш полк сыграл там важную роль.

— **Я нашел данные, что командиром твоего полка к февралю 1945 года был Федор Иванович Винокуров...**

— О! Это мой любимец и он меня любил. Командирам говорил, что если что-нибудь с Аристарховым случится, то...

— **Он ведь Героём Советского Союза стал тоже!**

— Да-да. Я к нему ездил на похороны, в Москву. Выступал.

— **А он, оказывается, закончил Горьковское военно-политическое училище. Ты знал об этом?**

— Нет, не знал. Я тебе дам почитать мою статью о нем. Раньше о

таких знатных людях читали очерки и я послал свой очерк! Батюшки! И мне письмо в ответ пришло — одно, другое, дочери его передачу услышали, как родного меня воспринимали, жена рассказывала с какой радостью они все это слушали. Это командир был такой вот — не трус, всегда на передовой. Хороший был командир, жалел людей. Когда война закончилась, он меня от себя не отпускал.

О ТОЙ ВОЙНЕ, КОТОРУЮ МЫ ПЕРЕЖИЛИ, МАЛО ГОВОРЯТ

— **Правда о войне... Как ты считаешь, мы достаточно о ней знаем?**

— Послушай меня, Сережа! Я когда выступаю, то говорю то, что я пережил. Я никогда не допускаю, чтобы что-то преувеличить или приуменьшить. Я всегда докладываю ярко, убедительно, на примерах, чтобы это доходило до людей. Но вообще-то скажу, что о войне мало говорят. Той войне, которую мы пережили. Прямо тебе скажу, что нашему поколению народ должен быть благодарен. Наше поколение спасло Родину от фашистского порабощения, а послевоенное поколение подняло страну. Пересядь поближе! (пересаживаюсь — дядя Дима на одно ухо не слышит. — Р.С.).

— **Бывший директор Государственного архива России Сергей Мироненко сказал, ссылаясь на архивные документы, что «не было 28 героев-панфиловцев — это один из мифов, которые насаждало государство»... Ты знаешь об этом?**

— Так сейчас же все восстановлено про них! Один или двое из них Герои Советского Союза! Так это же было опровержение, я же лично читал (*дядя Дима не хочет, чтобы что-то сломалось, а тем более рухнуло в его представлении о войне — Р.С.*)! Но я хочу и другое сказать насчет приукрашивания данных о войне — есть оно, есть это приукрашивание.

— **Ты после войны был политработником?**

— Как? Я был командиром минометной роты — а в связи с тем, что у меня было ранение, и со здоровьем неспроста, меня послали на курсы политработников. Я до сих пор помню, Сережа, всех своих солдат, мысленно... разговариваю с ними. Так вот.

— **Сталин тебе вручал звезду Героя?**

— Нет, Жуков на фронте Героя вручал (*Георгий Константинович Жуков — Маршал Советского Союза (1943), в то время командующий 1-м Белорусским фронтом, четырежды Герой Советского Союза — Р.С.*)! Это в Германии было, уже в апреле 1945 года, по-моему, в городе Кириц. Вызывает меня командир полка — «Аристархов, — он меня всегда по фамилии называл — завтра поедете, будет вам машина, из дивизии три человека, будут вручать вам звездочки Героев. Вызвал начальника тыла: «Чтобы у Аристархова новые брюки были, гимнастерка, ремень не кирзовый, пилотка новая — чтобы все!» А я? Я ж деревенский парень, в жизни никуда не ездил, никаких начальников не видел, понятия не имею — я уже начал дрожать! Зачем это все нужно? Утром посадили нас в «Додж», поехали на вручение. Заходим в помещение какое-то типа клуба, нет...

— **Зал?**

— О! Зал! Сцена, на ней стол стоит. Мы на первом ряду сидим. Сижу, дрожу. А у меня фамилия на «а». Жуков заходит, у него адъютант генерал, он ему говорит — «зачитывайте!». Зачитывают, и я первый. Ты веришь — я не помню, как я поднялся! Ноги ватенные, весь горю, подошел, а не помню уже как и что докладывал, насколько волновался, как никогда, в бою так не волновался. А Жуков говорит: «Лейтенант, не волнуйтесь!». Подцепил мне звездочку и говорит: «Молодец. Я надеюсь, что вы себя еще не раз покажете. Желаю вам успеха». Вот. Дословно. Я не помню, как дошел до первого ряда. Вот так мне вручали.

— **Что — и фотографии не делали, рюмки не налили, стол не накрыли?**

— Нет. Ничего. Еще шла война. Апрель был. ...А на дуге Курской ранило меня, прямо с танка, он стрелял прямой наводкой, сухожилие все перебило, поместили нас на телеги, нога раненая на повозке лежала, а эта висела. И мы едем потихоньку. Рядом какая-то высота была, и я смотрю — там людей полно стоит. В комбинезонах и все прочее. И вдруг спускаются два человека вниз, а дорога прямо под курганом. Один поднимает руку и все останавливаются — там не одна телега была. Он подходит, видит, что я лейтенант, и спрашивает: «Ну что там, лейтенант, жарко?». Я не знаю, кто это, как к нему обратиться, все в комбинезонах там были — а там стояли Конев, Ротмистров, Василевский, *(Иван Степанович Конев — Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза; Павел Алексеевич Ротмистров — командующий 5-й гвардейской танковой армией, маршал бронетанковых войск, Герой Советского Союза (1965); Александр Михайлович Василевский — Маршал Советского Союза (1943), начальник Генерального штаба, дважды Герой Советского Союза — Р.С.)* это же история! И я говорю: «Танков очень много! Такое количество мы не ожидали!». Он говорит: «Ну, ничего! Сейчас подойдут противотанковые полки, и мы все это остановим. Езжайте лечиться!». Повернулся и пошел — а у второго, что с ним был, я спрашиваю: «Кто это такой?». Он говорит: «Маршал Жуков!»

...После войны я еще встречался с Жуковым, вот как с тобой. За руку не держался, но рядом был. Партийная конференция окружная, в Москве. Тогда это был Центральный округ, помню, как избрали делегатов — меня, генерала и начальника политотдела. Мы поехали, туда. Батюшки! Я как посмотрел — одни чины! Дом офицеров имени Фрунзе, около Театра Советской армии. Ну, разделись, лестница мраморная широкая, я на нее вышел и вдруг бежит Конев и все кричат: «Маршал Жуков приехал!». А я растерялся — вверх не успею, назад нельзя, я в уголок встал и не туда, и не сюда. Прижался. Он идет мимо меня и говорит: «Майор, не прижимайтесь!». А я не живой не мертвый, Жуков прошел, думаю, ладно, пронесло. Ну, сидим потом в зале, Москаленко *(Кирилл Семёнович Москаленко — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза — Р.С.)* зачитывает президиум. В жизни не думал, что меня туда выберут! В жизни! Думаю, тут начальников много! А тут зачитывают мою первую фамилию. Ты не представляешь, что я чувствовал в это время — генерала моего не вызвали, а меня вызвали. Это история, 1956-го или 55 года — я закончил служить в 1973 году. Дальше: я в президиуме, но, думаю, нет — пойду в его задние ряды. Там же и Буденный, и Фурцева, Якубовский *(Семен Михайлович Буденный — один из первых маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза; Екатерина Алексеевна Фурцева — в то время Первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1954-1957); Иван Игнатьевич Якубовский — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза — Р.С.)*, подожди, еще кто-то чин большой сидел с правительства. Но Жуков обращается: «Где тут майор, которого выбрали?» И говорит — Вершинин *(Константин Андреевич Вершинин — Герой Советского Союза, Главнокомандующий Военно-воздушными силами СССР — Р.С.)* сидел сзади него и кто же еще, какой-то маршал тоже, только танковый — и говорит: «Раздвиньтесь!» и посадил меня сзади себя. Ты не представляешь, какие мои чувства были! Жуков обращается — уже началась конференция, Москаленко начал доклад делать — и меня спрашивает: «Товарищ майор, чем вы там занимаетесь?». Врать же не будешь? Говорю: «Товарищ маршал, занимаюсь боевой подготовкой, все согласно расписанию, по плану...» — Ну и как? — спрашивает Жуков. «Не все сразу получается, — говорю. Когда молодежь приходит, приходится много работать, чтобы они вошли в курс дела. А так, — говорю, — все ничего». Жуков — «Правильно делаете!». А потом вдруг: «А самоволки у вас есть?» Я честно:

«Есть, товарищ маршал». Он говорит: «Плохо работаете!». Я — «стараемся», он — «работайте лучше, не допускайте нарушений». Поворачивается и... дает мне блокнот. Я говорю: «У меня есть, товарищ маршал». А он — «А это мой, бери!». И дал. У меня музей есть, в Аджамке, я этот блокнот туда отправил, я туда много чего отправил.

...Еще вспоминаю — едем мы в Белоруссию, 60-й год, рядом в купе женщина, я зашел: «Вы откуда?». Она — «я с Москвы, дочь маршала Жукова, Мария». И я все это ей рассказал, она мне звонила потом. История у меня богатая, Сережа.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

— **Были в твоей военной биографии люди, которые совершали подвиг, а награды их обходили?**

— Нет, я не встречал такого — у меня во взводе боец подбил танк — его наградили медалью «За отвагу». Но я должен тебе сказать, что награждали до 1943 года очень скупно. Надо было что-то сверхъестественное совершить, чтобы тебя заметили. А вот уже после 1943 года, когда мы поокрепли, то стали и звания присваивать, и наград больше давать.

— **Насколько важен характер, чтобы выжить на войне?**

— Характер очень большую роль играл у человека в войне. Если характер стойкий, то он и не струсит, и боязнь у него совсем другая, другое отношение к войне. Если же человек нестойкий, то он может совершить любой поступок.

— **Трусов на войне расстреливали?**

— По всякому было. Если струсил по малодушию — одно наказание, ну, а если предатель, то конечно расстреливали. Но расстреливали мало, Сережа. За мою бытность двух человек расстреляли.

— **Ты видел это?**

— А как же! Одного в Прибалтике расстреляли, он был или власовец, или кто он такой был... Стрелял по нашим, когда они в наступление шли. Предатель был. Враг! Когда его вели расстреливать, как он кричал, матерился на советскую власть! Был он с западной Украины, оттуда. Один грузин был, в атаке или в артиллерийском расчете, бросил позицию и убежал. И вот я помню — всю дивизию выстроили, в чистом поле, выкопана яма и его ведут. Все стоят. Страшно. Прокурор читает... «по изменнику Родины огонь!». Стреляют, прокурор еще два выстрела... В обморок некоторые солдаты попадали, хотя воевали, хотя смерть видели. До сих пор помню это все, эту страшную картину, как она влияет на людей!

— **Как относились к Героям Советского Союза на войне? Завидовали? Помнишь, ты сказал, что командир полка подчиненным наказывал, что если что случится с Аристарховым, то, мол, накажу...**

— Относились по-простому, нормально. Я тебе так скажу — Героев вроде и не замечали. Я и сам не представлял, что такое Герой, до меня это дошло после. Когда я приехал в отпуск, домой, наехал корреспондентов, а мама у меня неграмотная, расписаться не может, волнуется, не может два слова сказать. Отец-то хоть церковно-приходскую школу окончил, был артиллерист, он же председатель колхоза... Ой, коленка болит, Сережа, подожди, я отдохну... Кстати — у меня не было ни одного взыскания по службе — может из-за того, что я Герой (смеется — Р.С.)?

— **Так ты когда приехал в отпуск?**

— После войны, Сережа.

— **Мамочка-то расплакалась, наверное?**

— Да! Когда шла война, племянница моя написала письмо Ворошилову, что в семье создается такое плохое положение, и чтобы отпустили с фронта сына. Меня вызвал командующий 61-й армии Белов (*Белов Павел Алексеевич — генерал-лейтенант, с июля 1944 года генерал-полковник, Герой Советского Союза, командовал 61 армией с июня 1942 года —*

до конца войны. — Р.С.), и говорит так и так, решай... А война идет! Как ехать? Это уже в Германии было, это не просто, Сережа! Я еще никогда не ездил никуда, понятия не имел как это все. И я отказался, не поехал.

— **Ну, а маму ты после войны только увидел?**

— А как же! И отца тоже. Когда был на войне, отца ранили под Яссами, пуля попала сюда (показывает на себе место под правым плечом и далее через грудь в сторону левого плеча — авт.), и вот тут вышла. Авраам Платонович почти год лежал в госпитале в Харькове. Когда пришел домой после войны, то еще около 26 лет работал почтальоном: очень любил эту работу, таскал вот такие две сумки и в руках еще нес! И чтобы он не поговорил с человеком, которому нес почту — такого не было! Он как делал — когда почту привозили, все готовил, все просматривал, все перебирал, чтобы донести до каждого человека все новости и добрые слова. Его всегда тепло встречали и угощали.

— **Удалось ли тебе поговорить с отцом «за жизнь»? Он три войны прошел, много чего видел?**

— Отец был жизнерадостным человеком. При любых условиях ему хорошо было. Никогда не унывал, вот что главное.

— **Он же казак?**

— Казак, но другого покроя, небогатый казак. Никакого хозяйства не имел, бедный был. А потом работал и председателем колхоза, и бригадиром, хотя сначала кладовщиком. Отец много мне рассказывал о войне, о первой мировой. У нас кавалерийский полк стоял рядом, и мы смотрели, как проходили конные маневры на большой сельской площади (на этой площади еще скирдовали сено для колхозного скота). А как лихо выступали кавалеристы, как отец любил их! Нас, мальчишек, всадники сажали на лошадей, кормили кашей — я приходил домой, все отцу рассказывал — как сейчас помню эти разговоры. Но было и тяжелые дни. Отец недоволен, что колхозы были бедные, говорил об этом. Однажды его чуть не посадили, как врага народа, побили сильно, помню, какой он пришел домой бедный... Окна нашего дома выходили на главную улицу Аджамки, и когда отец увидел, что по ней чекисты ведут очередного арестованного, соседа Митрофанова (он был столяр, плотник, краснодеревщик, один такой мастер на всю деревню, его взяли только за то, что он три георгиевских креста имел), то сказал: «Скоро и за мной придут!» И точно — однажды, когда меня дома не было, отца арестовали. Он вернулся в синяках, показывал их на ребрах и рассказывал, как его били наганом. За что? За то, что он председатель колхоза остатки урожая — план колхоз выполнил — счел нужным раздать колхозникам? Чекисты допытывались — почему он остальное не вывез! Его побили, а он как будто об этом забыл — отходчивый был человек.

— **Расскажи о своих ранах, дядя Дима...**

— Одна под левой рукой, ребро задето, оно почти что перебито, пуля была разрывная, три сантиметра — и в сердце. Плечо — это при высадке десанта на Малую Землю мина разорвалась на катере. Руку могу показать, вот. Под Курской дугой — вот, нога, разорвался снаряд от танка. Позвоночник.... Еще гранату бросили — вот.

— **А что за татуировки на руке?**

— 12 лет было, а может и меньше, когда в Аджамку привезли эту сразу — и я согласился. Рука опухла, когда наколол — думали, что руку потеряю.

— **Кто у тебя пострадал в войну?**

— Двоюродного брата сожгли в крематории немцы, в Польше, в Освенциме. Он был сильно ранен, взят в плен. Мы очень долго не знали его судьбу и узнали только через Красный Крест — в 1989-м там разбирали архивы и нашли документы о нем и прислали. Матери его уже в живых не было, только брат остался, вот год как он умер, мой двоюродный брат. (Дядя Дима, заметим, ни отца, ни себя в качестве пострадавших в войне не упоминает, хотя оба изранены — Р.С.)

ДЕДУШКА С ХАРАКТЕРОМ

— Скажи честно, дядя Дима - мечтал стать генералом?

— Сережа (*Аристархов задумчиво улыбается — Р.С.*) — я же поступал в академию, но меня по здоровью не приняли. Сколько раз я поступал в общевойсковую академию имени Фрунзе! И последний раз, когда у меня терпение кончилось, поехал к командующему и говорю: «Как же так? Когда воевать, то я мог, а тут — нет?» А он отвечает: «Вы понимаете, товарищ майор, законы, комиссия и прочее. С вашим здоровьем такие нагрузки нельзя. Вот езжайте, служите до конца, пенсию получите, и никто вас трогать не будет». И меня никуда не перевели, действительно не трогали — тогда же офицеров направляли — кого в Германию, кого куда. Меня не тронули. Так что я как приехал сюда, в Горький, в 1946-м, так и дослужил до 1973-го. Приехал в Гороховецкие лагеря, нас выбросили в снег, в палатки — ничего нет, ни воды, ничего. Мы два года так жили, в таких условиях, пока не перевели нас в Горький, в Красные казармы. А потом в Сормово начали строить городок — нас начали расселять.

— Мне, я считаю, повезло с учителями: во-первых, это ты, дядя Дима, а еще был Юрий Владимирович Садовский, Герой Советского Союза — я же на его военной кафедре учился, в Горьковском инженерно-строительном институте. Также противотанкистов из нас готовили — между прочим, с отличием окончил кафедру.

— Молодец! Ну, а Юра хороший был, отличный парень. Я с ним два раза отдыхал в санатории, встречался, мы дружили с ним. Он белорус — а вообще все считали, что он еврей. У него была жена Зоя, очень хорошая.

— А в институте — или университете нашем архитектурно-строительном, как он теперь называется — даже дощечки на здании памятной нет, что здесь была замечательная военная кафедра во главе с Героем Советского Союза. Как ластиком все стерлось. Обидно.

— Обидно, Сережа!

— У тебя, дядя Дима и в больнице все аккуратно... (*показываю на тумбочку*).

— Я люблю, чтобы все было на местах. Вот смотри: часы — подарок от министра обороны Гречко (*с портретом Жукова — Р.С.*). Есть еще любимые часы, подарил Горбачев, золотые — это когда меня пригласили на 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции, вот такую папку дали, я тебе покажу. Еще есть часы, которые вручали Героям Советского Союза. Красивейшие, о!

— Что за ножик у тебя?

— Старый ножик, я его купил в санатории, давно купил. Еще есть часы, которые подарил Путин. Двое часов. Одни очень дорогие — из дорогого металла сделаны, не платина, а что-то еще ценнее, ценнее золота...

— Ты сам ценнее золота! С Президентом Путиным удалось познакомиться?

— Нет. А вот близко, как тебя, видел. О! Я за Путиным сидел однажды, это было на 65-летие Победы. Спасибо Суворову Гене (*Геннадий Суворов — бывший заместитель губернатора Нижегородской области, первый секретарь Горьковского обкома комсомола — Р.С.*) — делегацию прекрасно проводили, все организовали. Ну, а когда привезли нас на Парад Победы, то каждому выдали пропуск — где должен сидеть на трибуне и тому подобное. Пошли мы с внучкой Анютой — она сопровождающей была — а там три кордона! У Васильевского спуска машина остановилась — первый кордон, у собора Василия Блаженного — второй, подошли к трибунам — третий. Полковник берет мое приглашение и говорит: «Нет, Вам не сюда!». Подозвал капитана и говорит ему — отве-

дите его, меня, то есть, на мое место. И вот от Спасской башни он меня ведет к Мавзолею Ленина. Привел и говорит: «Поднимайтесь вот на эту трибуну». А тут ковровая дорожка и все такое. Рядом трибуна стоит, с которой свою речь потом зачитывал Президент, тогда это Медведев был. Ну, я и сел на первый ряд. Капитан мне: «Здесь нельзя садиться. Перейдите на второй ряд!» — тут, мол, гости будут сидеть уважаемые. Ну, я и сел сзади, «на второй полке» и все. Со мной села женщина, Герой Советского Союза, морячка, разведчица, стали приходить военные начальники — Соколов, Язов (*Сергей Леонидович Соколов — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, Министр обороны СССР (1984-1987), Дмитрий Тимофеевич Язов — Маршал Советского Союза, Министр обороны СССР (1987-1991) — Р.С.*), те, кто в отставке, генерал Гареев (*Махмут Ахметович Гареев — генерал армии, доктор военных и доктор исторических наук — Р.С.*) — сильнейший, грамотный, я с ним отдыхал в Архангельском, в санатории. Я его поблагодарил за статью, которую он написал о Победе над Японией. Вдруг все встали — правительство идет! Мы тоже встали — сначала шел Президент Медведев, за ним Путин, за ним Меркель, потом гость из Китая... Медведев сел напротив трибуны, за ним китаец, со мной рядом сел его переводчик — кричал так громко у меня над ухом, что не давал толком послушать, что звучало на площади! За китайцем сел Путин, а я на втором ряду — за ним, слушаю, как они с Меркель разговаривают, по-русски. Рядом Президент Туркменистана сидел — на параде его лошадь ехала, специально просили, чтобы эта лошадь (*чистокровный ахалтекинский конь, прямой потомок того, на котором в 1945 принимал парад маршал Георгий Жуков — Р.С.*) проскакала по Красной площади — ох, как он хлопал, помню! А еще там были Алиев, Назарбаев, Лукашенко и Ярузельский — тот бедный, уже слепой, его поддерживали — сколько он для Польши сделал, мы же с поляками вместе воевали, они неплохо воевали, это же настоящие славяне. Так что у меня на приглашении было написано — «Центральная трибуна!» Я его храню и тебе покажу, а то ты скажешь «дядя Дима все придумал!».

— **Ты очень аккуратный человек, дядя Дима.**

— Да, меня армия этому научила. Еще многому в смысле аккуратности я научился у жены. Как вона (*прорываются украинские слова — Р.С.*), прибиралась по дому, как развешивала занавески и прочее — мы же вместе все это делали! Аккуратность и собранность, Сережа, помогает в жизни.

— **Ты обаятельный, добрый с виду, но на самом деле — человек с характером. Помнишь фильм — «Девушка с характером»? А ты у нас — дедушка с характером!**

— Я очень упрямый человек. Дочь мне все время говорит — ты как на своем встанешь, тебя не сдвинешь! Но что вместе с тем я в себе люблю — то, что быстро схожусь с людьми. И люди ко мне сразу по-доброму. И у меня врагов никогда не было. В армии — ты же понимаешь — к офицерам у солдата разное бывает отношение, а ко мне относились хорошо.

— **Ты ведь у нас хохол?**

— Щирый, щирый! Хохол! (*смеется — Р.С.*)

— **На украинском, значит, должен говорить лучше, чем на русском?**

— Нет, забыл украинский уже. Но мой первый язык да, был украинский, я чисто на нем говорил. После войны, пока я служил в армии, мы с женой каждый год ездили на Украину к моим родным — а как туда приезжаешь, то русский язык сразу забывается.

— **Давно не был на родине?**

— Понимаешь, нельзя мне туда ездить — после того, как провели операцию на почке, врачи запретили. Лет шесть уже не был в родной Кировоградской области — это рядом с Черкасской и Одесской. В селе Аджамка, где родился. Это по названию речки, которая там течет. Село казацкое, деревня была разбита на сотни, их восемь, я в пятой жил. И

только после войны улицы начали в селе называть — именами Ленина, Свердлова и так дальше... Вся родословная наша — дедушка, бабушка, отец, мать, брат — все похоронены там.

— **Как оцениваешь то, что происходит сейчас между Россией и Украиной?**

— Я тебе прямо скажу — у меня так болит душа! Там сестра живет, много друзей, ну, точнее, тех, кто меня знал. Я переписываюсь с ними. Сестра — Мария Аврамовна, ей 80 лет. Она больная, парализованная (*Мария Аврамовна Хучко умерла через несколько месяцев после кончины дяди Димы — в ноябре 2017 года. — Р.С.*). Родительский дом мы подарили сыну сестры, когда он пришел с армии: сестра бедно жила, а ему пора было жениться и мы с братом решили подарить этот дом. На этом доме висит мемориальная доска в мою честь — здесь родился такой-то, Аристархов, жил столько-то... Какой митинг был, когда открывали эту доску, какие песни в честь меня пели, Сережа! Уже этих людей, друзей, которые у меня там были, нет... И брата нет, и друга детства, с которым с пеленок вместе были нет.

— **Что думаешь насчет Крыма? То, что он является частью России, официально признали всего семь стран, если не ошибаюсь...**

— Считаю, что все правильно, я Путину поставил бы памятник! Это — исконная русская земля и этот дурак Хрущев (*Никита Сергеевич Хрущев — Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы — Р.С.*) ее передал Украине без референдума, без решения правительства, без ничего! Какое он имел право? (*Решение о передаче в состав Украинской ССР Крымской области было принято — в 1954 году, Президиумом Верховного совета СССР. — Р.С.*)

— **Ты категорически согласен с тем, как Россия сейчас себя ведет в отношении Украины?**

— Так точно. И до тех пор, пока Америку там не выживут, порядка никогда не будет. Америка сейчас как ястреб вцепилась в Украину, чтобы Украина ни в коем случае не соединилась с Россией!

— **Не любишь Обаму?** (*на момент беседы Президентом США был Барак Обама — Р.С.*)

— Как? Да я его повесил бы!

— **Как относишься к Горбачеву?**

— Ненавижу! Трус и предатель!

— **Почему так считаешь? В мире его роль оценивают по-другому!**

— Как же он, как оплеванный, сидел и со всем соглашался, когда партию ликвидировали? Да как это так?

— **Думаешь, если б он не начал перестройку, было бы лучше?**

— Да, менять систему надо было, но не так! Да, старье там у власти было, которое не соображало! Но потом, я считаю, у нас произошел государственный переворот: расстрелять людей с танков — это тоже, что и на Украине произошло! Власть должна была перейти мирным путем, как положено.

— **Что про наших, нижегородских лидеров скажешь?**

— Из тех, которые были губернаторами, не секретарями обкома, Шанцев самый сильный. Разбирается. И болеет душой, много сделал. Не ля-ля, а конкретно. Ты посмотри — он на каждом предприятии по нескольку раз бывал! Но правительство его областное, мне кажется, не дорабатывает — надо активнее участвовать в жизни области, не в кабинетах должна быть работа, а на местах — как и чем живут люди и так дальше.

— **Что не хватает ветеранам войны? Что надо поправить?**

— Делается много, но в разных регионах по-разному относятся к ветеранам — многое зависит от местных руководителей. Недостаточно внимания со стороны здравоохранения, те же льготные лекарства, которые мы недополучаем, ветераны в поликлиниках должны приниматься в первую очередь, но иногда этого не происходит. И еще — чувства, от-

ношения людей к ветеранам должно бы быть лучше. Ветераны должны быть уважаемыми людьми.

— **Сколько у тебя костюмов?**

— Каких?

— **Ну, гражданских.**

— Раз, два, три (*загибает пальцы — Р.С.*)... четыре. Хотел еще один купить, а дочь говорит: «Зачем он тебе? Те висят, и ты их не одеваешь!» Есть военный мундир. Спасибо руководству Советского района — мне к юбилею Победы бесплатно пошили костюм.

— **Сколько точно ты получаешь сегодня от государства?**

— Хорошо получаю, доволен, 60 тысяч рублей за Героя Советского Союза, но не по мне надо судить о состоянии ветеранов. За почетного гражданина Нижнего Новгорода платят 100 тысяч рублей в год, законодательное собрание платит по 3 тысячи рублей в месяц за Почетного гражданина области.

— **Братья-украинцы что-то платят за Почетного гражданина Украины?**

— Ничего.

— **Белорусы за книгу Народной Славы?**

— Ничего. Я доволен, мне хватает. Надо спрашивать ветеранов, которые получают по 10-12 тысяч. Кстати, военных друзей у меня не осталось, вот в чем дело, Сережа... Что-то я устал...

Вот на этой грустной ноте и закончилась последняя наша встреча. Скажу откровенно — разговор с дядей Димой был для меня непростым: я видел, что фронтовик, Герой, опытный политработник полковник Аристархов переживает — и за прошлое, и за настоящее, и за будущее нашей страны. Мне же нельзя было переводить нашу беседу в полемику — слишком дорого было здоровье любимого человека и эти бесценные минуты общения с ним.

...Мы договорились повидаться и поговорить после его выписки из больницы, но этого, увы, не случилось (только по телефону разговаривали). Герой Советского Союза Дмитрий Аврамович Аристархов ушел из жизни 8 февраля 2017 года. Ушел как солдат — не сдав позицию ни в прямом, ни в переносном смысле этого слова.